

загулять на три дня — значит, ты никому не нужен.

Почему главный герой — Хрусталев? Эта фамилия кинематографически довольно отягощена.

Вы знаете, я не буду врать, мы когда сели с моими замечательными сценаристами, Димой Константиновым и Аленой Званцовой, откуда-то выскочила фамилия Хрусталев. И я сказал: «Давай пока Хрусталев, потом поменяем». А потом я уже не мог его переименовать. Мне нравится, что, с одной стороны, это, в общем, простая русская фамилия, с другой стороны — в ней, как в слове «хрусталь», есть и хрупкость какая-то, и жесткость, и ребристость, и острота — об него можно пораниться. И я решил — да пусть думают, что хотят, ну, не знаю, ну, в конце концов, Хрусталев — это распространенная фамилия. И оставил ее. А потом подумал: ну о'кей, если она кинематографическая — еще лучше, он же кинооператор. Такие вещи обычно происходят случайно, а потом вдруг обрастают смыслами — и их невозможно поменять, потому что приросло. Вот и все. Мне говорили: «Замени, потому что все будут искать здесь какие-то реминисценции и так далее». А мне плевать, хотите искать — ищите.

Такое ощущение, что вы в этой истории многое делали без оглядки.

Если говорить про мои ощущения — да, я сказал себе: это будет фильм, которым я избавлюсь от всех своих страхов. Я не буду бояться ничего. Избавлюсь от страха, что плохо получится, что будет некрасиво снято, что слишком просто и

поправился. Мне надо было, чтобы он стал немножко мужиковатым, тяжеловатым. Вы же понимаете, это были люди пьющие, курящие, живущие на износ, не занимающиеся своим здоровьем. И Цыганов свои пять килограмм набрал. Я его вообще попросил как бы несколько поистаскаться — то есть вот такой свежачок, здоровенький московский артист, мне не подходил. И Женя с этим отлично справился. А после того, как мы сняли, мгновенно похудел.

Секс, мат, алкоголь... Что пойдет в эфир?

Это вопрос к «Первому каналу». Пока что меня попросили замазать откровенно голую натуру — ну, есть законы. Потом меня попросили переозвучить матерную фразу — ее мне очень жалко, но придется это убрать, потому что иначе они не смогут это поставить в прайм-тайм. Но в издании на DVD и, естественно, в Интернете это будет чистая версия, авторская, там ничего не будет убрано. Но вообще, я должен сказать, что наши отношения с Константином Эрнстом на этом проекте были близки к идеальным: мы подписали договор, и в следующий раз — внимание! — я с ним встретился в день, когда сериал был закончен. Он сделал мне огромный подарок — поверил в эту историю, дал снять фильм, который я хотел, и ни разу не вмешался.

Возвращаясь к теме сериалов — в чем причина таких редких российских сериальных удач?

На эту тему я могу говорить часами, коротко ответить очень трудно. Есть несколько принципиальных моментов. У нас по-прежнему сериалы считаются второсортной, если не третьесор-

Это сериал, который при определенных обстоятельствах может иметь второй сезон, третий, четвертый — если зритель будет заинтересован, да? Когда люди начнут творчески, искренне хотеть делать сериал — а не потому, что нет другой работы, — и относиться к нему как к делу жизни, как к своему авторскому высказыванию, не забывая о том, что это должно быть увлекательно, эмоционально, это должно держать зрителя, — будет прорыв. В Америке это произошло, у нас пока нет.

Есть второй момент, почему очень низкий уровень: у нас вообще очень низкий уровень в профессии сегодня. В стране огромная нехватка профессиональных людей, которые могут писать сценарии, которые могут снимать это. Третье: наши бюджеты и деньги таковы, что надо работать на износ... Я снимал семь минут в день — это тяжело, ты в какой-то момент начинаешь просто умирать от усталости и вероятность того, что ты испортишь, она очень большая. В Америке этот вопрос решается по-другому — там сериал снимают несколько режиссеров, а уж то, как они это делают, это совсем отдельная тема. Но там снимает несколько человек.

Что вы считаете отечественными сериальными удачами?

Думаю, что сериал «Бригада», где я когда-то был сопродюсером, это большая удача.

«Ликвидация» Сережи Урсуляка — огромная удача... Какая-то ошибка, что они не сделали второй сезон, третий...

«Апостол» — в меньшей степени, но это дело вкуса. У Урсуляка была еще «Жизнь и судьба», хотя это, скорее, многосериальный фильм. Мне очень понравился только что вышедший сериал «Крик совы» Олега Погудина — это очень высокого класса детектив такой, с атмосферой, с героями, со всем. Я боюсь что-то сейчас забыть, не хочу обижать коллег — удач было больше, чем я сейчас назвал.

Еще раз возвращаясь к эпохе, к 1960-м, — что умели эти люди, поколение вашего отца, Петра Ефимовича Тодоровского?

Они были, безусловно, идеалистами. Они жили так и работали так, и для них кино — это было не бизнес, не ремесло, а это была жизнь, они снимали фильмы, для них это был вопрос жизни и смерти. Если бы им сказали тогда, что это индустрия, они бы засмеялись — какая индустрия? Так же, как и любовь, это был смысл жизни — не путь куда-то, не способ куда-то дойти, получить приз или деньги, а просто этим жить. Я еще и поэтому хотел снять этот фильм — потому что я хотел сказать: «богатые — не вы». Притом что эти люди — не святоши совсем. Вы увидите, к чему они придут в конце фильма, до чего я доведу двух главных героев... Они дойдут, пройдя через страшные вещи, страшные — и останутся красавцами, благородными. Но и потеряют очень многое.

Петр Ефимович не успел увидеть фильм, но читал сценарий. Что он сказал?

Он никогда не оценивал меня, он не занимался рецензированием. Прочел и сказал: «Ну давай, снимай», — вот все, что он сказал. И так было всегда с ним, то есть это никогда не было там «ты должен это сделать!» или там... Нет, «ну давай, снимай, посмотрим», — все, что он сказал. В фильме будет персонаж — эпизодический, но ярчайший. К Хрусталеву приезжает его друг и собутыльник, сокурсник по ВГИКу Петя из Одессы, такой игрунчик с гитарой. Полный багажник кровяной колбасы с Привоза, помидоров, сала одесского, всей этой жратвы — и они впадают в загул. Чем заканчивается этот загул, вы увидите. И вот туда я заложил папу, просто хотел сделать это для него...

примитивно, что не слишком интеллектуально. Я избавлюсь от страха, будет ли рейтинг, а это важно, один из самых главных страхов на телевидении. Буду снимать как Бог на душу положит, на выдохе, понимаете? Просто дышать и снимать. Потому что вообще когда ты делаешь кино, то, конечно, огромное количество страхов тебя преследует — что не возьмут на кинофестиваль, что народ не поймет, что слишком сложно, слишком просто. И, кстати, огромный плюс сериала в том, что это длинно: да, ты проживаешь 12 часов фильма за пять месяцев ада, потому что это ад — такое снять.

Лица шестидесятников, которые мы видим на фотографиях наших родителей, тоже отмечены особой печатью — или видятся особенными из сегодняшнего дня. Как вы выбирали актеров?

Я сказал себе, что я сниму фильм, в котором не будет некрасивых женщин — будут только красивые и очень красивые. В этом фильме только убийственные женщины — да я считаю, что и мужчины тоже. Саша Яценко — это тысячекратное попадание в образ тех лет. А стройный, поджарый артист Цыганов по моей просьбе

тальной формой, да? Когда артисту звонит агент и говорит: «Тебе там предлагают роль», артист спрашивает: «Сериал или полный метр?». В сериал идут, потому что надо зарабатывать, а полный метр — это искусство. При этом, по моему глубочайшему убеждению, сегодня в Америке, да и в мире тоже средний уровень качественных сериалов гораздо выше, чем средний уровень кино, — по драматургии, по режиссуре и по чему угодно. Тем не менее, существует предрассудок. Талантливые, серьезные сценаристы и режиссеры идут туда как бы на заработок. За многие годы продюсерства сериального я не помню случая, чтобы ко мне пришел человек, серьезный, с определенным уровнем, и сказал: «Я хочу снять сериал вот про это и про это, потому что мне этого хочется». Никогда. Обычная история такая — ты звонишь человеку, человек говорит: «Вот у меня есть полный метр, я хочу его снять, но у меня нет денег. Поэтому у меня есть время — и я мог бы снять какой-то сериал». Поэтому пока не произойдет переосмысления, удач не будет. Я-то пошел снимать сериал не потому, что мне никто не даст снимать полный метр, — я хотел снять сериал.